

НОРМЫ ПРАВА В РАКУРСЕ РЕФЛЕКТИВНОГО ЗНАНИЯ

© 2015 г. Светлана Анатольевна Хмелевская¹,
Дмитрий Николаевич Ермаков²

Аннотация: в статье рассматривается соотношение рефлексивного знания как знания, раскрывающего устройство мира в логике его бытия, и нормы права как выражения мира должного (императивного образа реальности с позиций определенных требований к поведению и деятельности людей). Обосновывается необходимость выделения ряда опосредующих звеньев в логической цепочке перехода от сущего (действительности) через рефлексивные знания к должному (нормам права) и от должного – к сущему. Аргументируется неприменимость понятия “гносеологическая истина” к нормам права, однако не исключается использование понятия “истина” в его логическом, конвенциональном и аксиологическом значениях.

Annotation: the article is devoted to the relation of reflective knowledge as knowledge, revealing how the world in the logic of its being, and the Rule of Law as an expression of the world should be (mandatorily reality from the perspective of specific requirements for the behavior and activities of people). Substantiates the need to allocate a number of mediating links in the chain of logical transition from existence (reality) through reflective knowledge to due (rules of Law) and on mandatorily reality to existence. Argued the inapplicability of the concept of “epistemological truth”, the Rule of Law, however, does not exclude the use of the concept of “truth” in his logical, conventional and axiological values.

Ключевые слова: рефлексивное знание, валютное знание, норма права, гносеологическая истина.

Key words: reflective knowledge, valuable knowledge, the Rule of Law, epistemological truth.

Среди многочисленных классификаций знания особое место занимает его деление на валютное и рефлексивное³. Валютное знание дает представление об объектах реальности и о ней в целом с точки зрения их ценностного восприятия и относится к компетенции ценностного сознания (“осознание мира”)⁴. Именно в этом знании, которое выражается оценочными суждениями (зачастую прескрипциями, говоря словами Д. Юма), фиксируется значимость окружающего мира для людей (что для них ценно, желанно). В такого рода суждениях объекты (материального или идеального миров) оцениваются конкретным субъектом в их соотношении с его потребностями и интересами как значимые или незначимые. При этом, как справедливо отмечает К.Х. Момджян, следует различать виды оценочных суждений: среди них есть суждения ценности, по сути, представляющие собой мнения, которые не поддаются гносеологической верификации (они выражают предпочтения и связаны со свободой выбора), и оценочные суждения значимости, в “которых фиксируются отношения объективной зависимости и взаимовлияния, существующие между людьми и явлениями окружающего нас мира”⁵ и которые могут быть верифицируемы с точки зрения гносеологиче-

ской истинности, т.е. истинности, полученной в процессе познавательной деятельности.

Одновременно наряду с валютным знанием существует и знание другого рода, а именно: рефлексивное знание, которое раскрывает устройство мира в логике его бытия относительно к значимости для человека и его предпочтению. В связи со сказанным следует отметить, что речь идет не о наивном реализме, исходящем из того, что рефлексивные знания есть не что иное, как точная копия действительности, а о более сложных взаимосвязях нашего сознания, реальности и получаемых нами знаний о ней, которые можно, говоря словами Г. Фоллмера, сравнить с гипотетическим проективным, но все-таки реализмом⁶. Указанный подход ни в какой мере не отменяет или не ограничивает процессы поиска истины в ее гносеологическом смысле (“не отменяет ни фактологии, ни хронологии явленного нам мира, ни его законосообразности, данных нам объективно”⁷), на что, собственно, нацелено в первую очередь научное познание (хотя и не только оно).

Нередко разделение валютного и рефлексивного знаний происходит по следующему принципу: первое из названных описывает мир должного в прескрипциях, а второе раскрывает мир сущего в дескриптивных суждениях, хотя, как представляется, это не совсем корректно, поскольку например, валютное знание выражается не только в суждениях долженствования, но может быть раскрыто и дескриптивным суждением (“поступок Н. – аморальный”).

Еще одна методологическая неточность возникает тогда, когда под рефлексивным знанием подразумевают позитив-

¹ Профессор философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, доктор философских наук, профессор (E-mail: xmelevsk@mail.ru).

² Профессор кафедры маркетинга и логистики ФГОБУ ВПО “Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации”, доктор политических наук, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, РАСН, член Гильдии маркетологов (E-mail: dermakow@yandex.ru).

³ См.: Бойцова О.Ю. Власть нормы и норма власти: о специфике нормативного подхода в западной политической науке XX века. М., 2004; Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. М., 2013; Хмелевская С.А. Система форм постижения бытия. М., 1997.

⁴ Момджян К.Х. Указ. соч. С. 56.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ См.: Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. С 12 схемами и 6 таблицами / Пер. с нем. и общ. ред. А.В. Кезина. М., 1998.

⁷ Момджян К.Х. Указ. соч. С. 61.

ное знание, т.е. знание, основанное на эмпирических фактах, а под валюативным мыслят ценностные суждения, умо-зрительно постулируемые. Если исходить из теоретической нагруженности эмпирических фактов, то вообще выделять в рефлексивном знании только один уровень, а именно: уровень эмпирического анализа и не упоминать собственно теоретический некорректно.

Исходя из вышеизложенного подхода к пониманию рефлексивного знания применительно к нормам права, выраженным в форме нормативных предложений, исследуемая проблема звучит следующим образом: как соотносятся нормы права с рефлексивным знанием, т.е. знанием, полученным когнитивным сознанием и нацеленным на раскрытие действительности в собственной логике ее бытия, хотя и в рамках феноменологических проекций? Подпадают ли нормы права под гносеологический статус рефлексивного знания? Если нет, то как происходит переход от рефлексивного знания к нормам права, который, как мы теперь понимаем, не строится по принципу прямой логической выводимости? При этом будем исходить из того, что норма права – “одно из основополагающих понятий для всех тех доктрин права (независимо от различий в типах правопонимания), которые трактуют право нормативно”, а в качестве доктринальной конструкции она представляет собой “определенную юрико-логическую модель позитивного права в целом как особого нормативного регулятора внешнего поведения людей”⁸.

В связи с необходимостью поиска ответов на поставленные вопросы следует вернуться к идее Г. Кельзена о разделении нормативных предложений и высказываний о нормах. Последние указывают, существует или нет данная норма, что в соответствии с ней запрещено, разрешено, обязательно. Эти высказывания являются истинными или ложными⁹ и подчиняются закону формальной логики. Таким образом, высказывания о нормах могут быть проверены на гносеологическую истинность.

Кроме того, в рефлексивном знании нормы права могут представлять самостоятельный объект изучения. Речь может идти об исследовании происхождения данных норм, их структурировании, функциональном наполнении, динамике, содержании (знание должного) и пр. Как справедливо отмечает А.Ф. Черданцев, “истинными должны быть наши знания, суждения о содержании норм права”¹⁰.

Что касается нормативных предложений, с помощью которых формулируются нормы права, то суждениями они не являются, а поэтому не могут оцениваться с точки зрения истинности или ложности. “Сама же норма не обладает ни истинностью, ни ложностью: она лишь действительна или недействительна”¹¹. С помощью нормативных предложений и выражаются обязанности, запреты, разрешения.

Отметим, что большинство современных исследователей также полагают, что нормы права не могут быть проверены на гносеологическую истинность, поэтому их следует оценивать «с помощью категорий “совершенны – несовершенны”, “современны – устарели”, “эффективны – неэффек-

тивны”»¹². Интересен и такой аргумент противников оценки нормы права с позиций гносеологической истинности: норма права – часть социально-правовой практики, которая является критерием истинности научных знаний, заложенных в норме права, а потому не может выступать относительно самой себя критерием истинности¹³.

Это не исключает, однако, наличия и иного подхода. Так, в работе В.М. Баранова делается вывод, что истинность – это “объективное свойство нормы права, выражающее меру способности ее содержания, проверяемую практикой, соответственно отражать в форме познавательного-оценочного образа тип, вид, уровень либо элемент развития прогрессивной человеческой деятельности”¹⁴. Но при этом, по мнению автора, “правовые нормы представляют собой вид внеученого знания”¹⁵. Как с первым, так и со вторым утверждениями трудно согласиться.

Некоторые авторы проводят более утонченный подход, не выступая столь категорично по поводу истинности норм права. В частности, они вводят понятие “нормативная истина”. Например, В.П. Малахов, анализируя нормы права, делает вывод, что “с известным основанием можно утверждать, что правовые нормы отражают определенные общественные отношения или адекватно, или неадекватно, и с этой точки зрения статус истинных или неистинных они имеют. Такая норма – ключ для нахождения оценки, выполняющей в нормативных выводах роль, аналогичную роли истинности высказываний. Эту оценку можно назвать нормативной истинной, а соответствующую норму – нормативно-истинной”¹⁶.

Представляется, что введение понятия “нормативная истина” предполагает нарушение принципа Д. Юма, так как согласно приведенной точке зрения норма (т.е. выражение долженствования) есть отражение сущего (существующего в действительности). Здесь необходимо вспомнить принцип, получивший название “гильотина Юма”, суть которого в невозможности строго логического выведения суждений долженствования из суждений о фактах¹⁷. Д.Э. Мур, применив данный принцип, сделал вывод, что теоретически обосновать выводимость суждений долженствования из фактуальных суждений нельзя, как невозможен и непосредственный логический переход от должного к сущему¹⁸. Такой подход базируется, как справедливо отмечает И.Т. Касавин, на онтологии элеато-платоновского типа, жестко разграничивающей изменчивый мир видимости (впечатления, факты) и мир подлинных неподвижных сущностей (идеи, ценности, долженствования)¹⁹.

Отвергая подобное разграничение двух миров и исходя из того, что нормативность – это принцип человеческого бы-

⁸ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. С. 387, 391.

⁹ См.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. переводов. Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович; пер. С.В. Лёзова, Ю.С. Пивоварова. М., 1987. С. 104 (далее – Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. переводов).

¹⁰ Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. М., 2003. С. 16–18.

¹¹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. переводов. С. 32.

¹² Сырых В.М. Логические основания общей теории права. В 2-х т. Т. 1. Элементный состав. М., 2001. С. 323.

¹³ См.: Панько К.К. Юридические фикции в современном российском праве // Проблемы юридической техники. Сб. ст. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 462.

¹⁴ Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 349.

¹⁵ Там же. С. 194.

¹⁶ Малахов В.П. Логика для юристов. М.; Екатеринбург, 2002. С. 152.

¹⁷ См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1966. С. 618.

¹⁸ См.: Мур Д.Э. Принципы этики // В кн.: Природа моральной философии [и другие произведения] / Предисл. А.Ф. Грязнова и Л.В. Коноваловой. Пер. с англ., сост. и прим. Л.В. Коноваловой. М., 1999.

¹⁹ См.: Касавин И.Т. Дэвид Юм. Парадоксы познания // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 157–172.

тия²⁰, следует, вместе с тем, согласиться, что непосредственная логическая выводимость норм (в данном случае – норм права) из фактуальных суждений затруднена, можно даже сказать, невозможна (хотя это не отменяет того факта, что рефлексивное знание может выступать «в роли “служанки ценностей”, изобретая обоснования тому, что изначально постулировано волевым решением в качестве моральных (или иных, например правовых. – Прим. авт.) норм»²¹).

В связи со сказанным вызывают возражения и нижеследующие утверждения. В правотворчестве выделяются две стадии: “процесс познания объективных закономерностей и подготовка нормативно-правового акта” и “правотворческий орган, безусловно, должен стремиться к тому, чтобы его нормативно-правовые установления максимально соответствовали объективным закономерностям”²². Почему трудно согласиться с приведенными высказываниями? Потому, что, на наш взгляд, в них упускается из вида существование целого опосредующего звена между рефлексивным знанием и нормой права, а именно: валюативное знание, выраженное в оценочных суждениях, о которых говорилось в начале статьи и которые находятся в разных отношениях к самому рефлексивному знанию. Если суждения значимости близки к рефлексивному знанию, то связь суждений ценности (мнения) с последним не столь однозначна. Нормы права не связаны с ориентационным сознанием (они напрямую не раскрывают феноменологических проекций действительности даже в технических нормах, действительность же нормы права утверждается только через ее действительность²³, но это уже выходит за рамки рефлексивного знания). В основном они выступают как средства для реализации целей, сформулированных проектным или ценностным сознанием. Поэтому можно говорить только о том, насколько они эффективны (оптимальны) в достижении поставленных целей.

Норма права выражает долженствование, в обосновании которого могут находиться знания об объективной реальности (опять же в рамках ее феноменологических проекций), в том числе знания о нормах права, но преломленные через призму ценностного или проектного сознания (в их соотношении с потребностями и интересами), а также приемы юридической техники. Действительно, можно и нужно говорить об эффективности норм права, но эта эффективность – результат соответствия норм не объективной реальности (иначе это надо было бы назвать гносеологической истиной в ее корреспондентской модели, а нормы права раскрывали бы присущие явлениям свойства), а желаемому образу данной реальности в целеполагании (что хотели получить в результате правового регулирования общественных отношений и что реально получили).

Как справедливо было отмечено, “в юридической науке эффективность правовых норм определяется как соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты”²⁴. Поэтому и нормативная истина, о которой пытаются говорить некоторые авторы, выражает (и то с определенными оговорками) соответствие/несоответствие

нормы права желаемому образу реальности, полученному как результат преломления через призму ценностно- или целерационального осмысления, хотя, безусловно, такой целевой подход к оценке эффективности нормы права является весьма упрощенным. Он, в частности, не учитывает, что действуют не одна норма права, а их совокупность, поэтому измерить эффективность конкретной нормы затруднительно. Кроме того, на эффективность нормы права оказывают влияние и иные, в том числе неправовые, факторы. Наконец, если норма права не эффективна, то причина этого может скрываться, в частности, в целепостановке (верность или неверность целей), которая вызвала к жизни данную норму, а не в самой норме. Однако реальна ситуация, когда норма права не соответствует поставленной цели (норма здесь рассматривается как средство достижения определенных целей).

В связи с последним утверждением следует пояснить: основываясь на идеях М. Вебера о различении ценностно-рационального (мотивация детерминирована ценностным сознанием) и целерационального (мотивация детерминирована проектным сознанием) видов деятельности²⁵, можно сделать вывод, что нормы права связаны с реализацией не только целей, которые имеют аксиологический характер, но и целей, которые выражают интенции проектного сознания, символизируют эталоны, технические правила, стандарты деятельности, образцы максимизирующего поведения. При этом данные нормы могут выражаться как прескрипциями, так и прагматическими правилами, рекомендациями. В идеале нормы права в совокупности должны воплощать общезначимые ценности (общеобязательные предпочтения²⁶), а поэтому обращены ко всем членам конкретного общества. Однако, как справедливо отмечает И.А. Исаев, “норма – не просто принцип интеллигентности, но и элемент, исходя из которого обосновывается и узаконивается некоторое исполнение власти”²⁷. И это обуславливает специфику нормы права.

Нормы права выступают как средства для реализации целей, связанных прежде всего с фундаментальными ценностями, например с самосохранением жизни людей и общества в целом (что особенно четко проявляется в нормах-принципах). Такие цели, как правило, выражаются суждениями значимости, и свобода выбора поведенческих моделей в этом случае ограничена прежде всего объективной нормой в физиологических реакциях человеческого организма, которая не зависит от воли и желания людей²⁸ и нарушая которую люди ставят под угрозу собственное существование. Данные ценности в конечном счете предстают как общезначимые, а право придает им общеобязательный характер (что не исключает в определенных обстоятельствах выбора некоторых людей сознательного отказа от жизни). Такого рода ценности отражают стратегические цели выживания человека и общества.

Вместе с тем нормы права могут выступать и в соотношении с ценностями производного характера, которые, например, касаются средств достижения фундаментальной цели (реализация свободы, обеспечение безопасности и проч.).

Отметим, что и в выборе средств для достижения целей человек ограничен. Более того, в большинстве случаев эти

²⁰ См.: *Неважжай И.Д.* О природе должного в науке // Ценностный дискурс в науках и теологии / Отв. ред. И.Т. Касавин и др. М., 2009. С. 136.

²¹ *Шахов М.О.* Знания об устройстве мира и духовно-нравственные идеалы: существует ли взаимосвязь? // Там же. С. 37.

²² *Сырых В.М.* Указ. соч. С. 317, 318.

²³ См.: Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. переводов. С. 21.

²⁴ *Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самоценко И.С., Глазырин В.В.* Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 22.

²⁵ См. подробнее: *Вебер М.* Избр. произв. / Пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено; комм. А.Ф. Филиппова. М., 1990.

²⁶ См.: *Момдэян К.Х.* Указ. соч. С. 96.

²⁷ *Исаев И.А.* Нормированность и нормативность // История государства и права. 2014. № 15. С. 3–10.

²⁸ См.: *Момдэян К.Х.* Указ. соч. С. 75.

средства заданы ему принудительно, а алгоритм возможных действий для реализации целей также весьма жестко определен. И в этом плане можно утверждать, что нередко эти алгоритмы, дабы придать им характер общеобязательности, закрепляются нормами права.

Если понимать ценности как индивидуальную и формируемую на этой основе коллективную систему мотивационных предпочтений, то тогда норма права фиксирует и делает общеобязательными эти предпочтения (опять же это не исключает, что мотивационные предпочтения одних социальных групп или даже отдельных личностей будут выдаваться за ценностные предпочтения общества в целом). Получается, что норма права выражает через долженствование определенные ценности, в первую очередь фундаментальные ценности, которые, собственно, праву предзаданы, как, например, ценности, формулируемые на основе потребности в самосохранении человека и общества (хотя это не исключает, к примеру, что в одном государстве для национального самосохранения право станет закреплять модель поведения, основанную на перераспределении посредством агрессии дефицитных общемировых ресурсов, а в другом государстве – поведение, суть которого в исключительно мирном сосуществовании и добрососедских отношениях с другими странами).

Вместе с тем не все авторы согласны с такой трактовкой соотношения общезначимых ценностей и норм права. Так, В.С. Нерсесянц полагал, что в праве и государстве не применяются всеобщие ценности, трактуемые с философско-этических позиций, а само право формулирует собственные ценности²⁹. Речь идет не о ценностях права как средствах для реализации высших ценностей, взятых в их философско-этическом аспекте, а о том, что “правовые ценности представляют собой формальные ценности, определяемые в их юридическом значении”³⁰. (Нельзя не отметить, что о ценности права писал и Г. Кельзен, полагавший, что право обладает собственными ценностями. В частности, он отмечал: “Право составляет ценность как раз потому, что она есть норма: оно составляет правовую ценность, которая в то же время есть относительная /моральная/ ценность; а это значит только то, что право есть норма”³¹.) Не вдаваясь в дискуссии по поводу либертарно-юридической концепции права, подчеркнем, что, на наш взгляд, она не отвечает четко на вопрос о соотношении в ракурсах генезиса, функционального взаимодействия общезначимых ценностей в их культурологическом понимании и ценностей правовой реальности (говоря словами М. Вебера, о соотношении формальной и материальной рациональностей). Во многом указанное разделение ценностей, как представляется, действительно созвучно идее М. Вебера о материальной и формальной рациональностях (материальная рациональность – это рациональность ради чего-то, а формальная рациональность – рациональность как самоцель, взятая сама по себе)³². Вероятно, либертарно-юридический подход пытается раскрыть право именно с позиции формальной рациональности, в отличие от М. Вебера рассматривая последнюю как самостоятельную ценность.

Нередко обоснование нормативных высказываний с помощью рефлексивного знания, которое можно проверить на истинность или ложность, выдают за истинность или ложность самих норм. Но это отнюдь не значит, что нормы права

не нуждаются в подобном обосновании. Связь рефлексивного знания с нормами права осуществляется через целый ряд опосредующих звеньев:

а) обоснование самого желаемого (в том числе с учетом формальных оснований рациональной веры так называемой логики предпочтений, что дает возможность сформировать некий образец рационального рассуждения – нормативизм деонтической логики³³) с позиций потребностей и интересов, существующих конкретно-исторических условий, абсолютных и относительных ценностей (предпочтений), целей проектного сознания, для чего используются в том числе и рефлексивные знания; а также формирование образа реальности с точки зрения желаемого (как выглядит действительность сквозь призму сформированного желаемого).

В этой связи важно указать на фиксирование в рефлексивном знании онтологического содержания нормы как меры, раскрывающей определенность объекта, что выражается через понятие “нормальность” (т.е. обнаружение меры – единства количества и качества, что дает возможность идентифицировать предметы, процессы природного или социального характера, фиксировать их воспроизводство). Целый ряд инструкций, правил, выражающих технические или социальные предписания, порожден стремлением привести объект (процесс) в нормальное состояние или сохранить, зафиксировать это состояние. В основе таких норм лежит рефлексивное знание о данном объекте или процессе (знание о нормальности), которое информационно обеспечивает адаптацию человека к условиям природной и социальной среды³⁴.

Рефлексивное знание раскрывает средства и механизмы, которые могут привести к намеченной цели. В частности, оно указывает на максимизирующий вариант поведения, который, как предполагается, приближает к поставленной цели. При этом оно исходит из рационального понимания человека и общества (причем эта рациональность нередко трактуется как оптимальность, максимизация функционирования), которые отнюдь не всегда рациональны и нередко выбирают не оптимальный, а приемлемый для них вариант поведения, что не одно и то же.

Таким образом, рефлексивное знание раскрывает многообразие (вариативность) целей, возможные поведенческие модели их реализации, а также следствия, вытекающие из поставленных целей, побочные результаты. Кроме того, целерациональные и ценностно-рациональные модели поведения могут находиться в отношениях противоречия, как и сами цели проектного и ценностного сознания, предопределяющие данные виды поведения. Нормы права – это нередко отражение предпочтений конкретных социальных групп или даже отдельных личностей, поэтому и обоснование подобных предпочтений с помощью рефлексивного знания может не понадобиться вовсе либо выступает лишь флером для прикрытия статус-кво. В связи с этим нельзя не согласиться с В.В. Лазаревым, который отмечал, что “сегодня, наблюдая бесконечные правки фундаментальных нормативных актов, начинаешь сомневаться в их научной проработанности. Наблюдая перманентное изменение норм избирательного права, реформирование системы государственных органов и т.д. и т.п., убеждаешься, что наука к ним не имеет никакого отношения”³⁵;

²⁹ См.: Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998.

³⁰ Сорокина Ю.В. Введение в философию права. М., 2008. С. 73.

³¹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена. Сб. переводов. С. 93.

³² См.: Вебер М. Хозяйство и общество / Пер. с нем.; под науч. ред. Л.Г. Ионина. М., 2010.

³³ Ивин А.А. Человеческие предпочтения. М., 2010. С. 52.

³⁴ См.: Момджян К.Х. О проблемном поле социальной философии // Личность. Культура. Общество. Т. VIII. 2006. № 4. С. 161–179.

³⁵ Лазарев В.В. Поиск науки о праве и государстве (Научно-публицистическое эссе) // Lex russica. 2013. № 4. С. 345–352 // СПС “КонсультантПлюс”. 2015. 4 фев.

б) перевод желаемого в долженствование (как писал Ч. Миллс, “мы не можем выводить, гласит знаменитое юмовское правило, как нам должно поступать из того, во что мы верим”³⁶), что требует соответствующих процедур юридической техники; образ желаемого с помощью последней перекладывается на язык норм права, для чего требуется “сформировать эффективно действующие нормы права, создать надежный механизм их реализации в конкретных отношениях, согласовать законодательные новеллы с системой действующего законодательства”. При этом через объективированную форму их выражения нормы права становятся частью реальности, которая подлежит изучению с помощью рефлексивного знания³⁷;

в) прагматический аспект, связанный с реализацией норм права (опять же логического перехода от должного к сущему нет, но есть ряд опосредующих звеньев такого перехода через рефлексивные знания о нормах и правореализацию): получение результата как соотнесение желаемого и достигнутого.

На перечисленных этапах перехода от сущего (действительности) к должному (императивному образу реальности с позиций определенных требований к поведению и деятельности людей, закрепленных в том числе и нормами права в процессах правотворчества) и от должного (выраженного, в частности, в нормах права) к сущему (например, к правореализации) рефлексивное знание выступает в разных проявлениях: в качестве возможного обоснования целеполагания и средств достижения целей; знаний о нормах права; дескрипций, описывающих результаты процессов правореализации; обоснования для корректировки или полной смены образа желаемого или выражения долженствования.

Связь нормативного высказывания и рефлексивного знания имеет и еще один аспект, который выражен в принципе, сформулированном И. Кантом: если человек обязан что-то сделать, то он способен это выполнить. Из этого можно вывести представление о содержании нормы права как следствии физической и логической необходимости, для чего она должна базироваться на рефлексивном знании, описывающем такие необходимости. “Действие, вменяемое в обязанность, должно быть логически и физически возможным”³⁸.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что нормы права не могут быть гносеологически верифицируемы, в данном случае их верифицируемость косвенная. Вместе с тем их неэффективность/неоптимальность может быть связана с неверно поставленными целями, неверно выбранными сред-

ствами для их достижения, ошибками в юридической технике (норма сформулирована так, что не отражает желаемого), в реализации норм права и пр.

Действительно, нормативные предложения имеют предписывающий смысл, не являют собой рефлексивного знания и поэтому не могут обладать гносеологической истинностью, например толкуемой в рамках корреспондентской теории истины (как соответствие знаний объективной действительности), в том числе в ракурсе ее современных модификаций. Но истина может осмысливаться и в рамках ее когерентной модели, в которой, как отмечали А.В. Иванов и В.В. Миронов, происходит сближение трактовки истины с логической правильностью и корректностью (истинное знание всегда внутренне непротиворечиво и системно упорядоченно)³⁹. В этом смысле система норм права, безусловно, должна быть непротиворечивой, внутренне согласованной (процедурное условие истинности).

Применительно к нормам права может использоваться прагматистский подход к истине: знание тогда может быть рассмотрено как истинное, если оно обеспечивает планируемый результат при реализации. В этом случае понятие “прагматистская истинность” по отношению к норме права может быть раскрыто как ее эффективность, результативность, о чем говорилось выше. Но при этом она, собственно, гносеологической не является.

Следует отметить и конвенционалистский подход в неклассических теориях истины применительно к нормам права, а именно: выражение через них определенного ценностного консенсуса в данном обществе, раскрытого через долженствование. Так, в совокупности нормы права выражают систему ценностей, идеалов и приоритетов развития этого социума, которая, по сути, сформирована конвенционально. Но при этом следует помнить, что “общезначимые и общеобязательные ценностные приоритеты не отменяют свободу человеческой воли, а значит, не становятся объективно истинными”⁴⁰.

Наконец, применительно к нормам правам следует использовать и аксиологическое понимание истины, связанное с осмыслением софистических (ценностно-смысловых) сущностей. В этом случае нормы права оцениваются с точки зрения справедливости, гуманности, реализации свободы и пр. Издавна на Руси это называлось “правда – справедливость”, причем следует отметить, что “правда – истина” и “правда – справедливость” совпадали. Но это – уже тема отдельного изучения.

³⁶ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. М., 1998. С. 95.

³⁷ См.: Сырых В.М. Указ. соч. С. 320.

³⁸ Ивин А.А. Логика. М., 1996. С. 139.

³⁹ См.: Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М., 2004. С. 522–542.

⁴⁰ Момдэян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Ч. 1. С. 99.